

Несмотря на свою хромоту (след войны), Журов был лёгок на подъём, готов в любую минуту заменить заболевшего преподавателя. Он любил приходить на занятия к молодым педагогам, высказывать свои пожелания, подсказывать методические приёмы и тем самым помогал становлению преподавателя. Будучи членом Республиканского общества «Знание», Анатолий Ефимович часто выступал с лекциями перед студентами и трудящимися республики. Журов А.Е. был награждён орденом Красной Звезды, медалями.

ИСТОРИЯ: ТРУДНЫЕ ДОРОГИ ПОЗНАНИЯ

Божанов В.А.,
доктор исторических наук, профессор

История сложилась как определенный набор явлений и фактов более или менее отдаленного прошлого. У каждого человека на нее может быть свой взгляд, свое отношение. Появляется разнобой, который некоторые воспринимают как отсутствие объективной правды о прошедших временах. Современная историческая наука вполне убедительно свидетельствует, что исследовательская работа о человеческом прошлом способна дать о нем вполне объективную информацию, оставляя при этом поле для дальнейших уточнений, пересмотра прежних позиций и т. д. Для этого используются накопленные знания, все более глубокое понимание истории, новые способы и методики ее изучения. Путь к исторической истине лежит через невероятно сложный и запутанный лабиринт понимания, мнений всех тех, кто берется за реконструкцию прошедших событий.

В определенные исторические периоды накопленный опыт подготовки исторических работ подсказывал необходимость перехода к новому пониманию освещения истории. С эпохой эллинизма, например, связано эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. И хотя оно в значительной степени было связано с философией, мифом, религией, искусством, моралью и т.д., тем не менее, формировалось специфическое историческое знание, что поз-

воляет называть историческими сочинения таких авторов, как Геродот, Фукидид, Ксенафонт, Полибий, Ливий, Тацит и др. [1, с. 56-57].

В Средневековье история понималась как разворачивание замысла Бога, библейская история от сотворения мира являлась непреложной истиной. С конца XIV в. историческая литература приобрела гуманистическую направленность. Это работы историков Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др. Кстати, именно в это время вместо термина «хроника» в обиход входит термин «*historia*». Эпоха Просвещения дала всесторонний подход к человеческой деятельности: просвещение, литература, религия, право, народонаселение.

Одной из наиболее популярных тем в период Просвещения была тема единой человеческой природы, которая трактовалась как изначально заданная человеку на все времена. Это способствовало поиску универсальных законов, вытекающих из этих общих для человеческого рода качеств (Юм, Монтескье, Руссо, Вико, Гердер, Кондорсе, Вольтер, Кант). Между XVIII и XIX вв. возрос интерес к историческим исследованиям и сформировался принцип историзма, что означало рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное, что позволяет глубже понять отдельные его элементы [2, с. 152].

Важным путеводителем для историков стала идея Фрэнсиса Бэкона, сконцентрированная в знаменитом выражении «Знание – сила» («*Knowledge itself is power*»), то есть, признании поступательного прогресса общества на основе развития научно-технической мысли. Однако со временем стало ясно, что роль рациональности и разума в истории оказалась сильно преувеличенной. События показали, что прогресс в определенные периоды прерывается регрессом, откатом назад, возвратом к прежним порядкам. Как заметил И. Берлин, «не существует лестницы, по которой можно было бы взойти от античности к современности» [3, с. 15]. Понимание этого позволило наполнить исторические работы многовекторными вариантами общественного развития, потенциальными пучками исторических

возможностей и причинами складывания событий так, как они фактически сложились. Историческое развитие стало восприниматься в соответствии с гегелевской идеей как борьба противоположностей. История уходит от трафаретности, наполняется живыми обстоятельствами и альтернативами.

Коренной перелом наступает в последней трети XIX в., когда формируются современные представления о структуре знания. Во-первых, в этот период концептуализируется понятие общественных наук как эмпирико-теоретического знания о социальной реальности, отличной от других видов знания. Во-вторых, выделяются самостоятельные общественно-научные дисциплины (политология, социология, экономическая наука, этнология, психология и т.д.). И именно тогда происходит размежевание «истории» как общественно-научного знания о прошлой социальной реальности и всех остальных общественных наук (наук о человеке) [4, с. 58].

В конце XX в. в общественных науках произошёл переход к новым методологическим позициям, основанным на синергетике. Сформулированы главные критерии нового стиля мышления: 1) предметом науки является не только закономерное общее, но и случайное; 2) естественный порядок мироздания не инертен, а активен и подвижен; 3) детерминизм в развитии мира не исключает случайностей; 4) развитие многовариантно и альтернативно; 5) развитие происходит через неустойчивость; 6) процесс развития предполагает рост или свертывание разнообразия [цит. по: 5, с. 105].

В конце XX – начале XXI вв. историческая наука стала огромным и гетерогенным полем исследования, характеризующимся удивительной диверсификацией подходов. Сегодня любой аспект человеческого опыта имеет своего историка: от одежды до государства. Естественно, множество неисториков, взявшихся за историческое писание, обходилось минимумом правил из арсенала исторической науки. В результате в исторической науке сложились следующие проблемы: а) проблема когеренции: сегодня в истории нет какого-либо одного всеми разделяемого гранд-норратива, то есть, появилось множество областей исследований, часто имеющих между собой очень мало точек соприкосновения; б) проблема значимости (важности) исторических работ: обычно историки не уверены в том, что какое-либо исследование «важно» или «значительно», у них нет общего критерия выявления точного значения трудов по истории; в)

проблема отношения между историей как академической дисциплиной и другими смежными с ней областями исследования прошлого; г) проблема исторической репрезентации: соотношение между традиционно репрезентированной историей и такими новыми способами репрезентации, как художественные и документальные фильмы, музеи «живой истории», медиа и пр. [1, с. 7].

Пытаясь решить эту проблему, крупнейший немецкий теоретик истории Й. Розен выдвинул план «восстановления последовательности истории посредством соединения модернизма с постмодернизмом». Поэтому, утверждает он, «мы должны признать на деле, что существует лишь множество историй, а не единственная история как фактическое бытие. Но, тем не менее, – и это мое модернистское продолжение аргументации – нам нужна идея единства исторического опыта» [цит. по: 6, с. 12]. Замечу, что эта мысль восходит к классике истории, в данном случае к Лаппо-Данилевскому А.С., который в свое время призывал историков интересоваться «целостной «действительностью» или целокупностью фактов, связанных между собою, а не разрозненными или оторванными друг от друга обломками действительности» [7, с. 331]. Обосновывая свою позицию, Лаппо-Данилевский указывал на то, что ряд индивидуальных изменений мы конструируем в «процессе постепенного возрастающего единства человеческого сознания в коллективном субъекте – человечестве, благодаря которому оно и приобретает все большее историческое значение», воздействие индивидуальности на целое дает нам исторический факт. Мы можем заключить, что процесс дробления истории на множество «историй» как процесс специализации всякой науки неизбежен. Главное же, видимо, состоит в том, чтобы не было потеряно общее пространство исторического знания со своими правилами, нормами, понятиями как единое осмысление прошлого, как история отечества и история человечества. При этом знание истории должно помочь понять, как разворачивалась нить жизни, «как выработывалась и складывалась современная действительность» [8, с. 216]. Существование мира не как множества, а как неделимой целостности является наиболее реальным и достоверным объективным фактом.

Существенное значение имело понимание историками, насколько близко к реальности могут быть воспроизведены прошедшие события. Часто этому мешает современное понимание тех событий.

Ведь в отличие от естественных наук историк никоим образом не может повторить то, что произошло. Любое действие происходит однажды и невоспроизводимо как предмет наблюдений. Поэтому в последнее время и утверждается понимание прошлого как «другого», которое можно понять лишь через дискурс, категории, субъективные ощущения некоторых участников, то есть, через социальную и культурную антропологию. Необходимо приблизить историческую интерпретацию к ее прошлому оригиналу, чтобы она давала ответ на вопрос, «как этот мир должен был бы выглядеть для других людей и обществ» [3, с. 112–113].

Все чаще историю трактуют как науку, к которой добавлено искусство. Лаппо-Данилевский по этому поводу отмечал: «Человек, не обладающий достаточной силой творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком». Для этого, по мнению Лаппо-Данилевского, историк должен уметь преодолевать современные взгляды, привычные состояния, чтобы «воспроизводить в себе» чужое сознание, глубоко погружаться в чужие интересы, быть восприимчивым к разнообразнейшим проявлениям человеческой жизни и сопереживать их, уметь связать изучаемые события в более или менее смелую гипотезу. Однако при этом Лаппо-Данилевский предостерегал историков от соблазна «полного воспроизведения индивидуального во всей его совокупности» и советовал пользоваться «некоторым отвлечением для упрощения действительности» [7, с. 233].

Наличие у историка собственного индивидуального творчества Лаппо-Данилевский ставил выше владения исторической методологией. На особые качества историка обращали внимание античные историки. Они были уверены, что историк должен путешествовать либо лично быть участником событий, в крайнем случае, хотя бы посетить места событий и беседовать с очевидцами. Именно в этом случае возникает историческое повествование, наполненное колоритом, духом эпохи, атмосферой свершаемых событий, оригинальными подробностями и наблюдениями. Этими качествами отличаются труды Карлейля, Тарле, Сказкина, Ключевского, Соловьева, исторические романы Г. Сенкевича, Л.Н. Толстого, Яна. Известно, какую огромную работу по поиску документов и сбору различных

сведений о пугачевском восстании провел для написания повести «Капитанская дочь» А.С.Пушкин.*

В то же время практическая реализация того или иного варианта возможных альтернатив нередко вызывает ощущение своей предопределенности, заданности. Ученые приходят к выводу о сходстве законов развития био и космосферы, о единстве мира внутри нас и мира вокруг нас. По крайней мере, например, существуют доказательства, что поведение и физиология людей, животных, бактерий зависят от положения тела по отношению к магнитным полюсам Земли. Наше тело, мозг и, в конечном счете, сознание становятся «частями квантомеханического описания физической Вселенной» [16, с. 92, 179]. Эта связь еще находится в стадии разработки. Решения, отбор, преимущество – все это возникает в результате и разумных усилий человека, и процессов в глобальном пространстве. Отсюда следует, что историку надо вникать в законы природы, космоса, бытия, материи. Может быть, сейчас такой подход еще не столь актуален, но за этим горизонты нового исторического мышления, которое так или иначе надо постепенно осваивать.

В центре внимания историка находится факт как строительный материал прошлого. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что интерес историка должен сосредотачиваться не на смене фактов, а на изменениях, происходящих в самих фактах, что предопределено волевым воздействием индивидуальности на среду [9, с. 296, 323].

Историку, не желающему заниматься простым сканированием исторического прошлого, важно понять его через мысли, переживания, восприятия, термины, язык тех, кто в то время жил, например, Бонапарта, Александра Македонского, Евфросиньи Полоцкой, Франциска Скарины, Петра Мироновича Машерова. Любая интерпретация останется формальной, «замороженной», если она не отражает мысли, язык, ощущения людей той эпохи, которые хоть и не похожи на нас, но не настолько, чтобы мы не могли их понять.

Для гуманитарных наук рефлексия имеет значительно более широкий диапазон утверждений, чем в естественных науках, через ко-

* Без Пушкина нельзя представить себе эпохи 20-30-х годов, как нельзя без его произведений написать истории первой половины нашего века... за ним останется страница в нашей истории - Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. Т. IX . М., 1979. С. 78.

торый удается создать не закон, а лишь воспроизвести определенную логику возможного хода событий, отнюдь не обязательных в новом контексте. Отсюда многовариантность и спорность трактовок истории. Причем спорность касается как достоверности тех или иных событий и дат, так и оценочных заключений по ним. Историк, «входя» в историческое прошлое и обращаясь к прошлым деяниям людей, делает определенные выводы о значимости происшедшего, его влиянии на последующее развитие. Именно на этом оселке выявляются противоречия в суждениях, взглядах, определении значимости и т.д. И все же, если бы все дело было в разночтениях, то история просто исчезла бы с научного поля и вернулась бы к ее мифическим, сказочно-фантастическим повествованиям боянов. Со всем уважением относясь к истории Геродота, в то же время следует признать, сколь много она содержит выдумок (о вмешательстве божественных сил в ход исторических событий, об Арионе, вынесенном на берег дельфином, об одноглазых людях и пр.) [см.: 10]. Еще известный арабский историк, философ, социолог Ибн Холдун (1332–1406) призывал раскрывать сущность истории, освобождаясь от влияния мифов, легенд и фантазий, ибо, по его мнению, история человеческого общества – это не история героев, пророков и царей [см.: 11, с. 15].

Историки все же приходят к согласию о критериях исторического исследования, признания определенных исторических фактов и событий, их дат, периодизации истории, ее персоналий, формирования и использования специфической терминологии и т. д. Это позволяет существовать единому научному полю истории, профессионализации ее исследований, определенному взаимопониманию историков. «Науки плод сладчайший и прелестный» (Лука Пачолли) историкам столь же доступен, как и представителям других наук.

Под исторической наукой традиционно понимают изучение прошлых событий, деятельности людей, тенденций и традиций в различных сферах общественного бытия, имевших историческое значение [12, с. 26]. Не все лежит на поверхности, не все очевидно. Поэтому история становится все более ясной и достоверной по мере расширения изучаемой источниковой базы. И здесь вопреки высказыванию Козьмы Пруткова «необъятное не обнимешь» историку необходимо засучить рукава и «перелопатить» предельно все, на что он способен по состоянию своего здоровья и силы воли. Овла-

дение всеми источниками – тот идеал, к которому следует стремиться при всей невозможности его полного достижения [13, с. 64].

Объемность источников позволяет их сопоставлять, взаимно дополнять, выявлять наиболее достоверные из них. Это дает первоначальную канву для истолкования прошлого. Однако, чтобы справиться с огромным набором фактов и явлений, надо создавать гипотезы, которые определяют критерии их отбора в заданном направлении. Научный метод подтверждения или опровержения гипотезы двигает познание вперед. При этом надо смириться с тем, что придется перебрать много гипотез: от первой пришедшей на ум до того количества последующих, каждая из которых будет лишь приближать к истине и никогда не превратится в истину.

Дело в том, что научное объяснение принадлежит субъекту познания – человеку. Последний не только констатирует наличие источников, но и пропускает их через свой интеллект, характер, стереотипы, склонности, возраст и т.д. В результате у историка возникает интуитивное ощущение хода исторических событий, индивидуальная экранизация их в своем сознании. Это неизбежно и прекрасно. В дискуссионной атмосфере часто звучат настойчивые пожелания от аудитории к выступающим высказать в отношении рассматриваемой проблемы их «сугубо личное» мнение. Масса усваивает стереотипы и лишь индивид способен их преодолевать.

Английский историк Д. Тош сформулировал три фундаментальных принципа исторического сознания. Первый, который он называет наиболее фундаментальным из них, – это различие, то есть, «признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть» [там же, с. 10]. Историк-ученый должен понимать, что его время и время предыдущих поколений разнятся ценностями, приоритетами, страхами и надеждами. Трудно современному историку себе представить, почему представители ВКЛ на Люблинском сейме пошли на подписание унии с Королевством Польши о создании единого государства – Речи Посполитой. Ведь с позиции сегодняшнего дня очевидно, сколь невыгоден он был для ВКЛ. Однако в отличие от нас, знающих последующий процесс, очевидность для наших предков крылась, видимо, в ощущении безисходности перед внешними угрозами. Как говорил один из делегатов сейма, «мы на своих плечах принесли грозящую нам опасность». Это ощущение для нас

труднодоступно, ибо в исследовательской работе мы оперируем рациональными, разумными доводами.

Вторым компонентом исторического сознания для Тоша является контекст. Любое событие появлялось, жило, развивалось и исчезало как результат многочисленных и разновекторных факторов. Стоит только изолировать предмет исследования от окружающей обстановки и он становится однозначным, то есть, не таким, каким был на самом деле. Надо попытаться поставить себя в контекст развивавшихся событий, а не свершившихся. Третий фундаментальный аспект исторического сознания, по Тошу, – «это понимание истории как процесса, связи между событиями во времени» [там же, с. 12]. Факты и события появляются не вдруг, не из неоткуда. Им предшествуют предпосылки, варианты, которые происходят во времени, хотя и не обязательно последовательно. То, что, в конечном счете, свершилось, есть результат устремлений разноречивых претендентов на событийность. Во время перестройки в СССР пробудился бурный поток разноречивых желаний, мнений, энергий, лидеров, позиций. В конечном итоге победило стремление кардинально изменить страну.

Соблюдение указанных принципов в историческом исследовании по существу и отличает профессионального историка от любителя. Только разобрав клубок событий, установив их взаимодействию в обстоятельствах и времени, можно более-менее правдиво осветить исторический процесс. К сожалению, нередко случаи присвоения каким-то фактам статуса «важного», «исторически неизбежного» и тогда можно не утруждать себя научным поиском доказательств, серьезных доводов. Например, нередко встречается клише: «Киевская Русь создалась по причине разрушительных набегов со стороны степных племен», «Киевская Русь распалась из-за разрушительных набегов степных племен». Вряд ли такое клише позволяет понять действительную историю Киевской Руси. «История, – подчеркивает Д. Тош, – это перечень альтернатив, и он становится только богаче, если исследователь не оглядывается постоянно на текущие события» [там же, с. 26]. Нужно рассматривать не только сами факты, а трансформацию свершившихся фактов в сфере уже новых отношений.

Тош неоднократно в своей работе оговаривается, что при всей значимости истории не надо абсолютизировать прошлый опыт, представлять историю как «учебник жизни» или, как заметил Ключ-

чевский, «изящное назидание». Каждое событие уникально и не может повториться в изменившихся условиях, так же, как нельзя использовать в зрелом возрасте опыт своей давней юности. Ссылки на прецеденты из далекого прошлого Тош называет «бесплодным занятием».

Исторические прецеденты позволяют нам понять, что при каких-то условиях может произойти то-то. Однако автоматически этого не будет. Не надо общественные науки сравнивать с математикой или физикой, где при любых условиях тождество состоится неизбежно при определенных X , Y , Z или угол падения так же неизбежно будет равен углу отражения как в V в. до н.э., так и в XXI в. н.э., как в Китае, так и в Бразилии, как в Арктике, так и в Сахаре. История учит, что все в жизни происходит из наших и многих других желаний и устремлений, и чем больше мы изучим в современной обстановке этих желаний и устремлений, тем более будет ясен нам «момент истины», которая проявляется в том числе и через историческую перспективу. История учит горизонтальному мышлению, наделяет специалиста способностью мыслить шире, не замыкаться в конкретной технической среде, не смотреть на мир «взглядом из туннеля».

Время всегда задает ритмы научного мышления. С середины XIX до середины XX вв. господствовала модернистская парадигма однолинейного восходящего развития научного знания и общества. Постмодернисты заявили о своей новизне путем освобождения от абсолютизации рационального исследования. На место упорядоченности и целевой предопределенности они поставили проблему уникальности явлений и фактов. «Истолкование смысла, – утверждает Тош, – занимает центральное место в работе историка. Без него источники «не заговорят» и мы никогда не приблизимся к пониманию прошлого» [там же, с. 191]. Оно состоит в уяснении того, как люди воспринимали окружающий их мир, как они представляют его развитие и себя в нем. И здесь, конечно, для историков ценным представляется коллективное восприятие. А это уже восходит к понятию культуры как системы восприятий, характеризующей общество и сплачивающей его членов.

При рассмотрении системы общества можно использовать две модели: функциональную и трансформационную. Первая работает на сохранение общества, вторая – на его развитие. Первая подчиня-

ет деятельность людей неким общим стандартам. В этом случае реализуется экстенсивная социальность.

Вторая модель сводит общество к набору функций, задаваемых социальной системой. Общество предстает как результат взаимодействия человеческих индивидов. Оно возникает и воспроизводится в совместной и индивидуальной жизни людей на основе связывания их различных качеств, сил и способностей.

Современное общество находится в транзитном состоянии, в движении от первой модели ко второй и речь должна идти о радикальных сдвигах в понимании и использовании методологического инструментария [14, с. 6]. Строительными элементами новой онтологии видятся процессуальность, временность, континуальность-дискретность, событийность. И теперь онтология не рисует картину, она фиксирует, ориентирует и предупреждает, она теперь не столько карта, сколько компас. Онтология обращается к существу бытия: оно находится в становлении, оно имеет свое возникновение и уничтожение. С точки зрения методологической не то существенно, что люди или вещи рассматриваются в процессах, а то, как способ бытия вещей воплощает процессы, как способ бытия людей реализует и модифицирует социальный процесс, как характеристики вещей и людей выражают ход процессов и определяют их логику [там же, с. 8]. Индивид рассматривается как узел социальных связей, демонстрирующий собой многомерность социального процесса. Возникающая прерывность деятельности людей обеспечивает возможность новой «сборки» в иных формах совместного или индивидуального развития [там же, с. 9]. Совместно-разделенная деятельность позволяет образовывать все новые конфигурации социальности.

Картина современности, которую мы получаем таким образом, существенно отличается, скажем, от картины индустриальной эпохи с ее механизированными системами, социальными механизмами, рычагами управления и индивидами. Исходя из вышеуказанного, современность предстает как совокупность тенденций, порождающих определенный тип проблем. Современность раскрывается как работа со временем, с динамикой социальности, с культурным разнообразием. Иными словами, современность – не просто состояние. Это состояние в особом смысле, состояние разных социальных и природных компонентов, разных потоков социального бытия в

сложной динамической системе, требующей для своего воспроизводства постоянной подпитки качественной человеческой деятельностью [там же, с. 11–12].

Подводя итог некоторым мыслям о методологии истории, можно сказать, что современные историки сильно связаны в своем постижении исторической истины с необходимостью владеть достаточным уровнем профессионализма, пользоваться инструментарием научного исследования. Время постмодерна требует рассматривать прошлое во всем его многообразии, в огромном калейдоскопе фактов, событий, противоречий, альтернатив, закономерностей и случайностей – всего, что присуще живой действительности. И, несомненно, историк должен приложить к этому свою энергию, интерес, сопереживание, огромное желание постичь историческую истину, которая открывает глаза на день насущный, на день грядущий.

Использованная литература

1. Кукарцева, М.А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире. / М.А. Кукарцева // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. – М., 2011.

2. Гранин, Л.Е. От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории: учеб. пособие. / Л.Е. Гранин. – М., 2012.

3. Берлин, И. Философия свободы. Европа. / И. Берлин. – 2-е изд. – М., 2014.

4. Савельева, И.М., Полетаев А.В. История в системе социального знания / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. – М., 2011.

5. Миницкий, Н.И. Методы конструирования научного и образовательного исторического знания. / Н.И. Миницкий. – Минск, 2006.

6. Ионов, И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. / И.Н. Ионов. – М., 2007.

7. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания. Пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 19.09/10 учебном году / А.С. Лаппо-Данилевский. – Санкт-Петербург, 2016.

8. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М., 1989. – 7 т.

9. Методология історіі. Вып. II. Пособіе къ лекціямъ, читанымъ студентамъ Санкт-Петербургскаго университета въ 19 10/11 году / Лаппо-Данилевскій А.С. – Санкт-Петербургъ, 1913.

10. Геродот. Історія: в 9 кн. / Геродот // Режим доступа www.vehi/istoriya/grecia/gerodot/01.html.

11. Нимх Гатас. Методология истории в интерпретации Ибн Хальдуна: автореф. дисс ...канд. ист. наук. / Гатас Нимх. – Львов, 1991.

12. Хвостова, К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука. / К.В. Хвостова // Вопросы философии. – 2014. – № 10.

13. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. / Д. Тош. – М., 2000.

14. Кемеров, В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии. / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2014. – № 2.

15. Гусев, С.С. «Культура невозможного»: смена познавательных ориентаций. / С.С. Гусев // Философские науки. – 2014. – № 6.

16. Фурса, Е.Я. Мироздание – мир волн, резонансов и...ничего более. / Е.Я. Фурса. – Минск, 2007.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДОСТОЙНЫХ ТРАДИЦИЙ КАФЕДРЫ

Щавлинский Н.Б.,
кандидат исторических наук, доцент

В сентябре 2016 г. кафедре «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета исполняется 60 лет.

Сегодня кафедру возглавляет за всю ее историю девятый заведующий – Божанов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, отметивший недавно свой 70-летний юбилей. Родился Владимир Александрович 27 февраля 1946 г. в г. Таганроге Ростовской области (Россия). Затем вместе с родителями переехал в г. Минск. В 1963 г. закончил 41-ю среднюю школу г. Минска, работал некоторое время рабочим на Минском заводе отопительного оборудования, заводе 407 Гражданской авиации, поступил на физи-